

оценке экономического романтизма применительно к условиям современной борьбы Ленин несколько не замалчивает исторических заслуг Сисмонди. Он ссылается на Маркса, который ставил Сисмонди в заслугу то, что «он выдвинул вопрос о противоречиях капитализма и таким образом поставил задачу дальнейшему анализу»¹.

Здесь же, в этой статье, и в других местах Ленин аналогично говорил и о романтизме народников.

Все это, как видим, ни в коей мере не может служить ни опорой, ни аналогией тому, что говорит о романтизме Г. К. Бондаренко.

Г. К. Бондаренко всюду противопоставляет романтизм реализму. Различение вполне правомерное. Но вызывают сомнения самые способы различения. Диссертант обозначает в литературных явлениях реализм там, где он находит некую реальную жизненную основу, которую содержит в себе данное явление (факт, событие, лица-прототипы или действительно реальные переживания, отраженные в данном произведении). Романтизм, в свою очередь, характеризуется как полная лишенность подобной реальной основы (вымыслы, выдумка «отрешающихся от жизни»). Такой критерий явно недостаточен. Реальная основа существует для каждого произведения искусства. Так или иначе всякое произведение искусства отражает какую-то действительность. И вопрос о различении таких литературных направлений, как классицизм, романтизм, реализм величается не тем, отражают ли соответствующие произведения какую-нибудь действительность, а тем, какими сторонами и какими способами художественного мышления отражается эта действительность. Иначе сказать, надо характеризовать, как и что именно из действительности захватывается художественным мышлением, господствующим в данном литературном направлении.

ОБ ОДНОЙ СТРОКЕ В ДНЕВНИКЕ ПУШКИНА

Ю. Г. ОКСМАН

В дневнике Пушкина от 29 июля 1831 г. сохранилась следующая записка: «Третьего дня государыня родила великого князя Николая. Накануне она позволила фрейлине Россети выдти за Смирнова»².

Всего в дневнике за 1831 г. три записи, сделанные за время с 27 июля по 4 сентября. Из десяти тем, затронутых в этих записях, только одна не имеет широкого общественно-политического звучания—это строка о фрейлине Россет. Однако не только самая тональность этой строки, но и ее нарочитый лаконизм, исключавший какой бы то ни было автокомментарий, позволяют предполагать, что факт, отмеченный в дневнике Пушкина, не принадлежал к числу ординарных эпизодов придворного быта. Событие это очень близко касалось и самого Пушкина. В самом деле, согласие царицы на брак А. О. Россет означало уход последней из дворца, а тем самым и потерю Пушкиным едва ли ни единственного человека при царском дворе, искренно к нему расположенного, влиятельного и осведомленного, всегда бывшего на страже его интересов.

Именно эту роль А. О. Россет Пушкин и имел в виду, вписывая весною 1832 г. в ее альбом ею же вдохновленные строфы:

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 180. См. об этом же стр. 226

² Академия наук СССР. Полн. собр. соч. Пушкина, т. XII, 1949, стр. 200. Дневниковые записи 1831 г., несмотря на свой интимно-бытовой и явно нецензурный характер, опубликованы в этом издании под совершенно произвольным редакторским заголовком «Материалы для заметок в газете «Дневник»

В тревоге пестрой и бесплодной
 Большого света и двора
 Я сохранила взгляд холодный,
 Простое сердце, ум свободный
 И пламень правды благородный.
 И как дитя была добра;
 Смеялась над толпою вздорной,
 Судила здраво и светло
 И шутки злости самой черной!
 Писала прямо набело.

Пушкин был настолько дружен с А. О. Россет, что, как свидетельствует ее позднейшая автобиография, с полной откровенностью выразил ей свое неодобрение ее брака с Н. М. Смирновым: «Пушкин мне сказал: Какую глупость вы делаете! Я его очень люблю, но он никогда не сумеет вам создать положение в свете. Он его не имеет и никогда не будет иметь»².

В каком, однако, особом «положении в свете» нуждалась фрейлина А. О. Россет и что именно мог знать Пушкин об этом, принимая на себя функцию арбитра в ее отношениях с Н. М. Смирновым? Ответ на этот вопрос с наибольшей точностью и полнотой дают неизвестные еще в печати воспоминания А. И. Арнольди, брата Александры Осиповны (сына ее матери от второго брака).

Рассказывая о своем приезде к А. О. Россет в Петергоф, где летом 1830 г. находился весь двор, А. И. Арнольди вспоминал о том, как ожидая сестру и перебирая разные безделушки на ее письменном столе, он «вдруг нашел миниатюрный портрет незнакомого пожилого, но свежего еще человека». Не найдя сходства в этой миниатюре ни с кем из своих родных, известных ему по семейным портретам, мальчик «спросил отца, кто это такой», но был сильно выбранен «за неуместное любопытство», с запрещением «говорить даже об этом».

«Впоследствии только я узнал,—продолжает мемуарист,—это был миниатюрный портрет князя Сергея Михайловича Голицына, который в то время, хотя и женатый, влюбившись в мою сестру, домогался развода со своей супругой, с которой, впрочем, никогда не жил, ибо говорят, что с паперти церкви, где венчались, они разъехались по разным домам. Княгиня впоследствии проживала постоянно в Париже и была известна под именем *Princesse nocturne*, ибо спала только днем, а ночью принимала всю знать и вела какую-то своеобразную жизнь.

«Несмотря на то, что государь Николай Павлович благосклонно смотрел на этот развод и митрополит Серафим, в удобность ему, очень желал даже найти удовлетворительный повод, выставляемый князем Сергеем Михайловичем, но упрямая княгиня не соглашалась на расторжение брака своего и свадьба сестры моей с Голицыным не состоялась. В начале своего сватовства на моей сестре Голицын не предполагал противодействия жены своей, а потому и сделал сестре моей в качестве жениха подарков в бриллиантах на несколько сот тысяч рублей и дал четверем братьям ее по 100 тысяч рублей каждому, обещая пожизненно давать моему отцу по 100 да нам детям, восьми, по 50 тысяч в год. Вообразите же, не скажу сожаление, потому что не могу предполагать, чтоб сестра любила старого князя, но ужас ее, когда брак этот не состоялся. Собрав письма князя и все его ценные подарки, она, само собою

¹ Полн. собр. соч. Пушкина, т. III, вып. 1. 1948, стр. 284. Критическую сводку материалов об А. О. Россет-Смирновой см. в статье и примечаниях Л. В. Крестовой к изд. «А. О. Смирнова. Записки, дневники, воспоминания, письма». М. 1929.

² А. Смирнова-Россет. Автобиография. Подготовила к печати Л. Крестова, Л., 1931, стр. 132. Пушкин был шафером Смирнова на свадьбе его, состоявшейся в январе 1832 г. («Рус. Архив» 1882 г., № 1, стр. 227).

разумеется, обратилась тогда к братьям своим, требуя возврата денег князя Голицына, которые могли быть приняты ими от него, как от зятя, но не постороннего человека: она легко их получила от Клементия, Аркадия и Александра, которые тотчас же вынули их из Государственного банка, куда их положили, но не то было с деньгами Иосифа, который, будучи тогда корнетом лейб-гвардии Уланского полка, находился в походе в Польшу и до Вильны успел уже растратить из своих ста тысяч 17 тысяч рублей. К отцу моему, своему отчиму, сестра не смела обратиться, зная его стесненное материальное положение, хотя понимала хорошо неблагоприятность поступка брата, и я не знаю, чем бы все это кончилось, еже ли б к счастью в то время не подвернулся старинный русский дворянин, молодой камер-юнкер Николай Михайлович Смирнов, который, предложив свою руку и сердце сестре, получил поневоле ее согласие и при огромном состоянии своем в 9000 душ внес за своего будущего брата эти несчастные 17 тысяч рублей. Я сказал, что сестра согласилась на брак поневоле и имею полное право это сказать потому, что она не любила никогда достойного Николая Михайловича, а испортив всю свою жизнь, ему немного доставила счастья, хотя сама была во всем виновата»¹.

Все действующие лица этой бытовой драмы показаны в записках А. И. Арнольди несколько схематично, в полном отрыве от их политических функций, без учета их места в литературной и общественной жизни конца двадцатых и начала тридцатых годов. Наиболее снижен и обеднен облик самой А. О. Россет. Вдохновительница Пушкина, Лермонтова, Гоголя и Жуковского показана лишь в роли несчастной девушки, обреченной на поиски богатого и знатного жениха, который помог бы ей сохранить ее шаткое положение в большом свете и при дворе. Князь С. М. Голицын, бездушный и невежественный попечитель Московского учебного округа, один из отвратительнейших представителей дворцовой камарильи, охарактеризован только как претендент на руку А. О. Россет, как «пожилой, но свежий еще человек». А ведь о нем Пушкин писал в эту же пору:

Лещинский околет, отечеству беда!
Князь Сергей жив еще — утешьтесь, господа.

Женою «князя Сергея», о которой упоминал Арнольди, была одна из замечательнейших русских женщин-патриоток периода Отечественной войны и первых лет общественно-политического подъема десятых годов—княгиня Евдокия Ивановна Голицына, приятельница М. Ф. Орлова, М. А. Дмитриева-Мамонова, П. А. Вяземского, А. И. Тургенева. Именно ей посвящены были два мадригала молодого Пушкина—«Краев чужих неопытный любитель» (1817) и «Простой воспитанник природы» (1819). Второе из этих стихотворений Пушкин послал ей вместе со своей нелегальной одой «Вольность».

Все эти исторические реалии, известные нам, хорошо знал и А. И. Арнольди. Но, скупой и невыразительный в своих биографических характеристиках, он неожиданно оказался очень щедр в своих рассказах о тех фактах придворной и великосветской хроники, без учета которых нам трудно было бы до конца осмыслить отмеченную выше запись в дневнике Пушкина от 29 июля 1831 г.

¹ Страницы из воспоминаний А. И. Арнольди (1817—1898) печатаются нами по копии с автографа, предоставленного в наше распоряжение Н. Н. Арнольди, вдовой сына мемуариста. Общую характеристику А. И. Арнольди и его мемуаров см. в предисловии к нашей публикации «Лермонтов в записках А. И. Арнольди» («Литературное Наследство», т. 58, 1952, с. 449—456).

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
ФАКУЛЬТЕТ

О т д е л III